



СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА РУССКОГО ЧИНОВНИКА XIX ВЕКА В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ*

И.Т. ШАТОХИН

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shatohin@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются социально-психологические качества чиновников разного уровня, зафиксированные в народном сознании посредством пословиц и поговорок.

Ключевые слова: русский чиновник, пословицы, поговорки, историческая психология.

Обращение ученых XIX века к сокровищнице народного фольклора открыло существенно иное осмысление духовного мира крестьянства, его миропонимание, ценностные установки, нравственные ориентиры и социальные идеалы. В пословицах и поговорках собиратели и исследователи, по словам, Ф.И. Буслаева, видели «художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы»¹. Не менее точно и академично дал определение пословице В.И. Даль: «краткое изречение, поучение, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора; ...это ходячий ум народа...»². Однако самое ёмкое и образное объяснение пословицам и поговоркам дал сам народ: «Поговорка – цветочек, а пословица – ягодка»³.

Источниковой базой для решения заявленной проблемы стали сборники пословиц и поговорок, опубликованные собирателями и исследователями этого жанра народного творчества в XIX – XX веков⁴, а также пословицы и поговорки, иллюстрирующие особенности малых форм народного поэтического творчества в учебной литературе и хрестоматиях XX – начала XXI века⁵.

Громадное большинство пословиц и поговорок связаны с объяснением и осмыслением повседневно-бытовых реалий крестьянской жизни. Не меньше тех, что определяют смысл и ценностные ориентиры в семейных отношениях, наставляют крестьянина на праведную жизнь в согласии с богом и миром. В общем многотысячном массиве пословиц и поговорок не так много тех, что касаются государственного устройства и социальных отношений, а еще менее тех, что напрямую говорят об отношении крестьянства к конкретным государственным институтам и должностным лицам. Это вполне объяснимо, так как крестьянский мир и каждый конкретный крестьянин были далеки от властных институтов и коронного чиновничества. Однако именно эти пословицы и поговорки открывают для нас то, как народ и прежде всего крестьянство, представляли себе русского чиновника и его социально-психологические качества.

Вычленение социально-психологической характеристики русского чиновничества невозможно без выяснения общих мировоззренческих оценок существа общества и власти. За многовековую историю взаимодействия общества и государства у народа сложилось глубинное понимание социального и материального неравенства. Это нашло свое отражение в таких пословицах, как «В лесу лес неравен, а в миру люди», «На одно солнце глядим, да не одно едим». Однако такое понимание социального неравенства предполагало наличие силы, обеспечивающей сохранение сложившегося положения дел. Пословицы позволяют реконструировать и самое общее представление о структуре этой силы. На вершине

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00261.

¹ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 80.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 3. С. 334.

³ Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. Учебник. М., 1998. С. 115.

⁴ Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1957; Снегирев И.М. Русские народные поговорки и притчи. М., 1948; Отшельник Мери-Хови. Сборник поговорок, пословиц и проч. (Русско-народная философия). СПб., 1882; Рыбников М.А. Русские поговорки и пословицы. М., 1961.

⁵ Русское народное поэтическое творчество. Учебное пособие / под ред. Н.И. Кравцова. М., 1971; Русское народное поэтическое творчество. Учебник / под ред. А.М. Новикова. М., 1986; Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия: Учебное пособие / под ред. А.М. Новиковой. М., 1987; Аникин В.П. Русский фольклор. М., 1987; Соколов Ю.М. Русский фольклор. Учебное пособие / отв. ред. В.П. Аникин. М., 2007.



пирамиды находится царь, который в пословицах, хоть и самая главная и ключевая фигура, обладающая некой сакральной сутью, однако не всемогущая. «Жалует царь, да не жалует псарь», «Не ведает царь, что делает псарь». С вершины пирамиды царю не видно и не слышно, что происходит у ее подножья. Многочисленные царские слуги, по представлениям крестьянства, извращают политику царя-батюшки. Не удивительны в этом ряду и поддержка Пугачева, выступавшего под именем доброго и справедливого для крестьян царя Петра III, и поиски настоящей царской воли в 1861 году. Царь добр и мудр, да бояре плохие: «Бояре царя застыят, народ пакостят». А потому в народной среде теплилась надежда на возможность донести до доброго и справедливого царя правду о своем бедственном положении и кривде царских слуг – «Коли весь мир вздохнет и до царя дойдет».

Этой надежде противостоит пессимистическое понимание того, что «До бога высоко, до царя далеко». «Высоко» и «далеко» выступают здесь как тождество, а потому призрачна надежда напрямую сообщить царю о своих бедах и горестях, возникших, в том числе, и по вине злых и корыстных его слуг. Однако, если крестьянин отождествлял в этой пословице бога и царя, тогда можно верить и надеется, что мольбы верноподданного народа будут услышаны или самим царем, или через обращение народа к богу.

Пословицы и поговорки находят подтверждение и в других источниках. Одним из таких источников, раскрывающих представление крестьянства о власти и её агентах, об их отношении к этим институтам, является рассказ П.В. Засодимского⁶. Выходец из мелкопоместной дворянской среды был внимательным и чутким наблюдателем и исследователем крестьянской жизни. О его вовлеченности в крестьянский мир свидетельствует и подзаголовок рассказа – «Посвящается Ивану Пичугину, крестьянину деревни Кибры Вологодской губернии». При анализе и использовании этого источника следует иметь в виду, что он отражает представления государственных крестьян Вологодской губернии 1860–70-х годов. В силу удалённости края от крупных городов, а потому редких контактов с представителями власти и иных социальных групп, в силу отсутствия типовой земской или хотя бы церковно-приходской школы, представления крестьян этого края об окружающем мире и о власти были более архаичными и упрощёнными, чем у крестьян центральных губерний. Однако этой, порой лубочной, картиной автор метко выхватил коренную суть крестьянского мировоззрения.

По мнению крестьян вымышленной деревни Петряевщины власть дуалистична: она небесная и земная. Однако и та и другая в высшей своей ипостаси недостижима: «До бога высоко, до царя далеко» – гласит одна из широко распространенных пословиц. Да и в обыденной жизни крестьянину вполне достаточно, что «наместники» небесной и земной властей рядом. И крестьяне обычно «умеют отлично ладить и с небесными, и с земными силами. Одним они по воскресеньям ставят свечи и кладут на блюдо грошики, другим – платят «подань». Этими подаяниями, по их мнению, совершенно исчерпываются их обязанности относительно земли и неба, и затем уже они – вольные птицы»⁷. Хотя некоторые пословицы и содержат неудовлетворенность таким положением дела – «Соха кормит, веретено одевает, а подати на стороне». Прекрасно понимая свою значимость и ценность своего ежедневного и тяжелого труда, они видели и понимали, что создаваемыми ими материальными благами пользуются другие – бояре, помещики, казна.

Кроме бояр, в структуре представителей государственной власти следующее по нисходящей значимости место занимали воеводы. Сохранение в народном сознании этого царского слуги более раннего времени и в XIX веке свидетельствует об укоренившихся и сохранявшихся характерных чертах начальствующих лиц коронного управления на местах. Образ воеводы в пословицах наделен исключительно негативными чертами. Он тщеславен и властолюбец – «Воевода хоть и не стоит лыка, а почитай его велико», он корыстен, а потому не может не быть богатым – «Воеводою слыть – без меда (вариант – денег) не быть»; он своеволен и безгранично нагл в своей жадности – «Мышь в коробе, что воевода в городе». В своей деятельности он никому на месте не подконтролен, а потому нет на него управы и суда – «На воеводу просить, что в тюрьму идти». Свообразным ито-

⁶ Вологдин (Засодимский П.В.). Из жизни лесной стороны // Наблюдатель. 1883. № 3. С. 220–248.

⁷ Там же. С. 237–238.



говым обобщением образа воеводы в народном сознании является поговорка – «Воевода – большая невзгода».

Не менее колоритен в тех же негативных тонах и образ чиновников, более доступных прямому наблюдению простого народа – дьяков, подьячих, приказных чинов и писцов. Главной и доминирующей нравственной оценкой этой категории монарших слуг, по мнению народа, было взяточничество – открытое и беспринципное. «Подьячий – любит пирог горячий»; «В приказ ворота широкие, да из него узкие»; «Дьяк у места, что кошка у теста». Зловещее могущество бюрократической премудрости любого представителя чиновничества выражает другая народная мудрость – «Перо страшно не у гусака, а у дьяка». Общую ненависть и осознание неуязвимости чиновничества передает поговорка «Подьячий – породы собачей, приказный – народ пролазный». Укоренившиеся, в том числе и помощью пословиц, названия служащих государственных учреждений предшествующих веков, продолжали жить в народной среде, отражая мало изменившиеся реалии бюрократических практик – произвол и взяточничество, самодовольство и безнаказанность.

Пословицы, как меткие, образные абстрактные обобщения сути власти и ее представителей, формировали типажи, образы должностных лиц разного уровня. А потому и конкретным представителям власти приписывались в большей мере их сущностные черты и не важны были конкретные, сугубо индивидуальные характеристики. Это было еще и потому, что крестьянство с большинством чиновников не имело прямого и постоянного контакта. Например, персонификация земной, государственной власти для крестьян Петряевщины, ограничивалась только представителями полиции – исправником и становым приставом. «Эти лица часто менялись, но петряевцам казалось, что они постоянно походили одно на другое, как две капли воды. ... Становой к ним навещался обыкновенно раз в год, а исправник – в два-три года раз, а то бывало и реже...»⁸. Отсутствие индивидуальных черт у представителей полиции было обусловлено, как нам кажется, не только такими редкими появлениями станового пристава и исправника, что крестьяне их забывали к следующему визиту. Чины полиции и крестьяне жили, можно сказать, в параллельных мирах. Крестьянам не было дела до полиции, а полицию «заставляла удерживаться в границах умеренности» «тихость и задумчивость» петряевцев⁹. Что можно было ожидать от этих – самим себе на уме – крестьян, живущих в такой глухомани?

Такая, в некоторой степени, идеальная, если не идиллическая, картина взаимоотношений крестьянства и власти, не была характерна для густонаселенных регионов страны, где представители власти были более частыми гостями, которые «хуже татарина». Самой обременительной для крестьянства в дореформенное время была деятельность судебного следствия и собственно судебного разбирательства.

В дореформенный период не крепостное сельское население от случая к случаю сталкивалось с судебным или полицейским следствием. Этот опыт сформировал негативное отношение крестьянства к чиновникам, проводившим следственные действия, и к самой процедуре следствия. Прекрасную характеристику следственной практики дореформенного времени и отношения к ней крестьянства зафиксировал в своих мемуарах П.Н. Костылев, бывший в начале 1860-х годов судебным следователем в Рязанской губернии. Дореформенная система расследования преступлений воспринималась в крестьянской среде как несправедливая, опасная и обременительная. Несправедливой и опасной она была потому, что «вся задача полиции, как следственной власти, состояла в былое время в том, чтобы добиться сознания от лица, заподозренного в совершении преступления, при этом законность средств для получения этого сознания игнорировалась губернским начальством». А «каждое лишнее или спроста сказанное на допросе слово» могло обернуться превращением свидетеля в подозреваемого¹⁰. Обременительность дореформенного следствия для крестьянства состояла в формальном исполнении чиновниками положений, инструкций и правил. Они требовали отрыва огромного числа крестьян от обычных занятий для допроса их в качестве свидетелей, для участия их в ненужных очных ставках, чтобы снять бессмысленные и несущественные противоречия в показаниях свидетелей и подозреваемых. Кроме того, обремененность состояла в обязанности кре-

⁸ Вологдин (Засодимский П.В.). Из жизни лесной стороны // Наблюдатель. 1883. № 3. С. 237.

⁹ Там же.

¹⁰ Костылев П.Н. Записки // Русский архив. 1909. № 1. С. 144–145.



стьян предоставлять лошадей для проезда по многочисленным поводам чиновников, в их расквартировании и обеспечении съестными припасами (часто даром или по сниженным ценам) всех привлечённых к следствию – чинов полиции, членов суда, писцов, посыльных. Поэтому для крестьян «приезд Земского Суда для производства следствия равнялся нашествию иноплеменников...»¹¹.

Неудивительно, что наибольшее число пословиц и поговорок, касавшихся государственных институтов и должностных лиц, посвящено суду и судебным чинам. Примечательно, что ни одна из них не носит позитивного характера или хотя бы нейтрального оттенка. Часть пословиц жестко констатируют неприязнь народа суду, как таковому – «Лучше утопиться, чем судиться»; «В суд пойдешь – правды не найдешь». Другие – указывают на то, что суд и закон находятся в полной власти судьи: «Не бойся суда – бойся судьи»; «Суд прямой, да судья кривой». А потому и «Закон, что дышло, куда повернул туда и вышло». Произвол судьи, по мнению народа, не был чудачеством или проявлением вздорного характера (что имело место, но не эти качества определяли существа произвола), а определялся исключительно его корыстным интересом. Группа пословиц прямо говорит о взяточничестве судебных чинов: «Судейские ворота без серебра не отворяются»; «Карман сух, так и судья глух»; «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом»; «В суд ногой – в карман рукой»; «Судейский карман, что поповское брюхо». Одни пословицы прямо указывают на необходимость давать взятку судье – «Дари судью, так не посадит в тюрьму», другие говорят, что «Из суда, что из пруда, сух не выйдешь». Продажность суда констатируют пословицы, наставляющие и предостерегающие простой люд: «С сильным не борись, с богатым не судись»; «Когда деньги говорят, тогда правда молчит».

Широкое бытование выше приведенных пословиц обусловлено еще и тем, что отношение к дореформенному суду в российском обществе было одинаковым, независимо от сословного статуса или материального достатка. Показателен в этом отношении случай из воспоминаний дворянина Н.В. Веригина. Столкнувшись с судом он обратился за консультацией к предводителю дворянства, так как он по долгу службы соприкасался с чиновничеством более тесно, чем помещные дворяне, а потому и лучше знал нравы и обычаи, царившие в этой среде. Опекая дворян, предводитель предостерегал тех, кому предстояло иметь непростое дело в суде или канцелярии. При этом он не мог удержаться и от общей характеристики чиновничества, суда, учреждений или конкретного государственного слуги. В 1828 году предводитель дворянства Шацкого уезда Тамбовской губернии дал совет Н.В. Веригину «не выпускать из вида дела, которое пойдет в губернское правление». А потом добавил: «В этом высшем губернском судилище... без денег и правое дело сделается неправым, а наш губернатор всё подпишет, что ему подадут, хотя не будет участником мерзости своего секретаря Б-а, известного взяточника»¹².

Таким образом, пословицы и поговорки в образной и обобщенной форме зафиксировали представление о ключевых фигурах государственного аппарата. Это не конкретные чиновники, а скорее должности, обладавшие специфическими, узнаваемыми чертами: воевода; дьяк и подьячий, приказные, судья, суд. Интересно, что бытовавшие пословицы не переименовывались в большинстве своем под новые названия должностей чиновников. Так, воеводой в XIX веке в народе могли именовать и губернатора, а дьяк и подьячий из допетровского времени в сознании крестьян и XIX веке продолжали отождествляться с чиновным людом. В этом же ряду и приказные, и суд, как обобщенные названия для чиновничьего племени. Практически все пословицы и поговорки рисуют исключительно в негативных тонах российское чиновничество. Русский чиновник, воевода или судья, дьяк или подьячий, согласно поговоркам, противопоставлен народу. Он любит «принос», он ждет или вымогает «принос», он мнит себя высоко, хоть и не стоит «лыка». Ему присущи тщеславие и самодовольство, корысть и собственный интерес, а не интерес государя и общества. Он хочет повелевать без контроля и ответственности. Поговорки различают чиновников согласно их месту в служебной иерархии. Однако существенных различий в оценке социально-психологических качеств чиновников разного уровня пословицы и поговорки не дают. Только при характеристике суда и судей упор в пословицах сделан на продажность судей, на зависимость решений судьи от взятки.

¹¹ Костылев П.Н. Записки // Русский архив. 1909. № 1. С. 144.

¹² Веригин Н.В. Записки // Русская старина. 1893. № 4. С. 128.



SOCIO-PSYCHOLOGICAL QUALITIES OF A RUSSIAN XIX-CENTURY OFFICIAL IN PROVERBS AND SAYINGS

I.T. SHATOCHIN

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Shatochin@bsu.edu.ru

The article deals with the socio-psychological qualities of the officials of various levels which had been reflected in the people`s consciousness by means of proverbs and sayings.

Keywords: Russian official, proverbs, sayings, historical psychology.